

Лекции по политическому праву, прочитанные в Мадридском Атенео

Лекция первая (22 ноября 1836 г.):
Об обществе и правительстве^{*,1}

Хуан Доносо Кортес

В первой «Лекции по политическому праву», прочитанной в Мадридском Атенео 22 ноября 1836 г., Хуан Доносо Кортес формулирует «всеобщую теорию правления» и «особую миссию представительного правления». Определяя правление как «социальное действие», Доносо связывает неразрывно «идею общества» и «идею правления». Рассматривая общество как совокупность индивидов, связанных определенными отношениями, Доносо формулирует два противоположных по своему действию закона: «закон индивида», определяющий независимость и свободу человека, и «закон ассоциации», связанный с субординацией и направленный на достижение гармонии в обществе. Способность человека к ассоциации с другими людьми делает его разумным и свободным. Разум как гармоничное начало создает общество, свобода как антисоциальное начало общество разрушает; отсюда правление возникает в силу необходимости сопротивления свободе. И центральный тезис всей лекции: «Для правительства действовать означает сопротивляться»; сопротивляться «вторжению человеческой индивидуальности», но, следуя морали и «правилу справедливости», ни в коем случае не подавлять ее полностью. Демонстрируя либерально-консервативный характер своих политических идей, взглядов и ценностей, Доносо призывает молодую испанскую конституционную монархию, только-только начавшую закладывать основы представительной демократии, стремиться к сохранению и общества, и человеческой свободы, обеспечивать их «плодовитое единство».

Ключевые слова: Хуан Доносо Кортес, индивид, ассоциация, разум, свобода, представительное правление

© Василенко Ю. В., перевод, 2015

© Марей А. В., редактирование, 2015

© Центр фундаментальной социологии, 2015

* Перевод с испанского Ю. В. Василенко под редакцией А. В. Марей. Источник: *Donoso Cortés J.* (1904). *Lecciones de derecho político pronunciadas en el Ateneo de Madrid // Donoso Cortés J. Obras de Don Juan Donoso Cortés, marqués de Valdegamas. Vol. III. Madrid: Editorial de San Francisco de Sales. P. 143–155.*

Перевод выполнен в рамках исследовательского проекта «Власть, доверие, авторитет: структуры порядка и категории описания социальной жизни», реализуемого Центром фундаментальной социологии в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 году.

1. В оригинальном тексте: *De la sociedad y de gobierno*. Испанское *gobierno* на русский может быть переведено и как «правительство», и как «правление», что, очевидно, представляет собой две разные вещи. Наличие этой неоднозначности и одновременно невозможность во всех контекстах переводить это слово одинаково заставляют нас использовать контекстный перевод. — *Прим. ред.*

Господа!

Приглашенный правлением Атенео возглавить кафедру политического права я, не имея титулов, позволяющих претендовать на этот пост, принял это почетное назначение, лишь будучи уверенным в вашей благорасположенности.

Когда общества сотрясаются от революций, они отвлекают свои взоры от исчезающего прошлого и направляют их в будущее, которое борется за право осуществиться в этом мире. Люди повторяют судьбу институций: на людей прошлого смотрят с презрением, а людей будущего призывают на арену. Это тенденция всех обществ во время их кризисов и обновлений, это повторяющееся действие истории, и, как все действия, повторяющиеся в определенных обстоятельствах, оно опирается на человеческий разум. В самом деле, общество в революции испытывает неясное предчувствие чего-то нового, что родится и подчинит себе желания; и так как человечество всегда безусловно логично в своих интуициях, оно ищет новую идею, которая должна овладеть молодыми умами, словно надежду, которая — оно чувствует — рождается в его груди.

В том же причина и особой роли, которую играют молодые люди во всех революциях: для общества они олицетворяют революцию, и оно считает их своими пророками, пастырями и мучениками. Напрасно молодой человек проживет всю жизнь с идеями прошлого, впустую с горизонта его жизни исчезнут и иллюзии, и надежды; в период, который я описываю, в каждом молодом человеке общество будет почти всегда видеть всю молодежь, в молодежи — будущее, а в будущем — бухту, в которой корабль может легко переждать шторм. Напрасно человек иного века будет наделен интеллектом гибким и всеобъемлющим, впустую откроет он свой дух дыханию настоящего, зря проникнет своими взорами в пропасть будущего. Почти всегда общество увидит в нем лишь пошатнувшуюся колонну разрушенного храма, бесплодный интеллект, человека из прошлого. Поэтому, сеньоры, революции, которые всегда логичны, зачастую несправедливы, однако данная несправедливость мне на руку, так как у меня нет иных оснований для того, чтобы осмелиться обратиться к вам, кроме моей любви к наукам и моей молодости.

Если бы сиятельный публицист, который должен был занимать эту кафедру, был бы среди нас, я пришел бы как ученик, чтобы воспринять вдохновение его гения и красноречие его лекций. Поскольку же это уже невозможно, позвольте мне, по меньшей мере, воздать ему здесь почести, всегда подходящие величию его таланта и святости его бед².

Моя цель сегодня — раскрыть всеобщую теорию правления и особую миссию представительного правления.

2. Имеется в виду Антонио Алькала Галиано, вынужденный по политическим мотивам эмигрировать во Францию в 1836 году. Впоследствии он все же читал лекции по политическому праву в Атенео. См. подробнее: *Donoso Cortés J.* (1970). *Obras Completas de Donoso Cortés*. Т. 1 / Ed. C. Valverde. Madrid: ВАС. Р. 329. — *Прим. ред.*

Правительства не имеют собственной жизни, но лишь жизнь относительную, это не схоластические сущности, но исторические реалии; поэтому их не следует оценивать самих по себе, но лишь в их отношениях с обществом.

Любое правление есть действие, что означает, что правительство, которое не работает, прекращает быть: работать для правительства означает быть. Любое же действие, однако, имеет начало, откуда оно рождается, цель, к которой стремится, и то, над чем оно осуществляется, дабы достичь своей цели. Правление имеет свое начало и свою цель в обществе; то, над чем оно осуществляется, — это также общество. Таким образом, сеньоры, правление есть не что иное, как социальное действие, или, если угодно, само общество в действии.

Если это так, то мнение тех, кто считает правление вещь в себе, как бы предшествующей обществу, нелепо: что может быть абсурднее действия, лишённого начала, порождающего его, цели, к которой оно стремится, и того, над чем оно осуществляется? По той же причине нелепо и мнение тех, кто рассматривает общество как вещь в себе, независимо от правления, ибо что есть общество? Общество есть собрание индивидов, объединённых посредством взаимных упорядоченных отношений. Итак, где есть взаимные упорядоченные отношения между активными существами, имеется и общее действие, а где есть общее действие, есть и правление. Чтобы разрушить идею правления, необходимо разрушить прежде идею общества: эти две идеи нельзя разделить логично, пока не будет доказано, что социальное действие может существовать без общества, или общество — без действия. Теория общественного договора как истока правления — теория, не придуманная Руссо, но возвращённая им к жизни и популяризованная, есть теория исторически ложная и логически несостоятельная. Я особо остановлюсь на ней, когда буду анализировать принцип суверенитета.

Если общество есть начало, цель и пространство социального действия, персонафицированного в правлении, то оно и должно открыть нам тайну принципов, управляющих им, и законов, образующих его.

Любое общество состоит из индивидов, которые вступают в отношения между собой. Уничтожьте индивидов, и общество умрет. Оставьте индивидам жизнь, но разрушите объединяющие их отношения, и общество также умрет. Отсюда следует, что в обществе необходимо иметь в виду два различных элемента, т. е. закон индивида и закон отношений, или, что то же самое, закон ассоциации.

Человек признается разумным и свободным, находящимся в отношениях с Богом, с миром природы³ и с остальными людьми. Проанализируем, каково влияние на него каждого вида этих отношений, и рассмотрим, какие идеи последовательно отражаются на нем.

3. Здесь и далее как «мир природы» или как «природа» мы переводим словосочетание *el mundo fisico*, т. е. дословно «физический мир». Представляется очевидным, что Доносо Кортес использует прилагательное *fisico* в аристотелевском смысле, обозначая им все, что относится к природе, противопоставляя ему, с одной стороны, Бога, с другой — сферу социального, т. е. взаимоотношения между людьми. — Прим. ред.

В отношениях с Богом он смиряется и преклоняется, и если бы на него не оказывали влияние другие отношения, у него была бы лишь одна идея: идея долга. В отношениях с миром природы, не находя ни разума, отвечающего его разуму, ни свободы, ограничивающей его свободу, человек имеет лишь одну идею: его полное и абсолютное права; лишь одно ощущение — господства. В итоге, сеньоры, состоя в этих двух взаимосвязях, человек будет обладать двумя противоположными идеями: своего абсолютного рабства и своей абсолютной свободы. Царь земной и раб Божий, это существо будет неполным, искаленным человеком.

Но этот человек видит перед собой других людей, и отношения с ними конституируют и дополняют его. Его разум, благодаря которому человек понимает Бога, мир и самого себя, помогает ему понимать людей, окружающих и изменяющих его, осознавать, что они свободны и разумны, как и он. И тогда в святилище его сознания утверждается прогресс, т. е. революция.

В нем рождается идея одинаковости людей и, следом, — идея человечества. Его дух наделяет ее теми же качествами, что есть у него, приписывает ей те же права и обязательства, что конституируют идею отдельного человека. Он был рабом Божиим — человечество будет в рабстве у Бога. Природа принадлежала человеку — владычество над природой также будет принадлежать и человечеству.

Таким образом, у нас уже есть два первых и обязательных условия любой ассоциации — тождественность способностей индивидов, которые объединяются, и общий для них порядок идей. Если бы люди, вступающие в контакт, не признавали бы друг друга разумными и свободными, они не смогли бы объединиться; если бы, признавая друг друга разумными и свободными, они не имели бы общих представлений о своем праве на природу и своем долге перед Богом, они также не смогли бы вступить в ассоциацию, поскольку не имели бы общих уз, служащих основой любого общества. Это настолько ясно, что нет ни одного общества, не имеющего какого-либо культа, т. е. упорядоченного способа почитать Верховное Существо, и какого-либо правила для отделения себя от мира природы, реализуя тем самым свое право на господство и присвоение.

В итоге человек, который в своих отношениях с Богом и природой имел бы лишь идею безграничного долга и абсолютного права, в отношениях с другими людьми обретает идею равенства; она, в свою очередь, порождает в нем идею взаимных, то есть ограниченных прав и обязанностей. Когда эта идея укореняется в его разуме, человек становится существом совершенным, поскольку эта идея делает его сопричастным моральному миру. В самом деле, если права и обязанности должны быть взаимными и ограниченными, то необходимо найти правило их ограничения и взаимности, и это правило и есть справедливость, а справедливость есть весь моральный мир.

Все эти идеи являются последовательными лишь логически, исторически же они одновременны. Человек не создал общество, но родился в нем; и, будучи связан с остальными людьми, он в то же время был связан и с природой, и с Богом. Для того же чтобы объяснить эту сложную ситуацию, мне пришлось разложить ее

на составные элементы и проанализировать их, подчиняясь одному из обязательных законов понимания — закону логической последовательности.

Помимо всего прочего, этот анализ приводит к тому, что люди не смогли жить вне общества, поскольку не смогли отречься от своего разума, сделавшего общество необходимым; существование одного разумного существа логически предполагает существование многих разумных существ, потому что воображение не воспринимает разум, живущий только своей внутренней жизнью. Таким образом, там, где много разумных существ, существуют взаимные и упорядоченные отношения, так как невозможно предположить существование многих разумов, не вступающих между собой во взаимоотношения. Там же, где существуют взаимоотношения между разумными существами, логически и исторически существует общество; таким образом, общество имеет характер исходный и недатируемый, и человек его не создает⁴.

Если разум человека является причиной общества, то свобода человека обусловила необходимость правления для общества, однако эта новая идея нуждается в определенном объяснении.

Если мысленно разложить единство человека, то оно превратится в дуализм, состоящий из разума и свободы. Лишим человека второго и предоставим ему первое. Общество существовало бы в этом случае, как существует сейчас, и было бы столь же необходимо, как и сейчас. Разумы объединились бы благодаря силе взаимного притяжения, и объединились бы неразрывно; ибо что могло бы нарушить их согласие, когда оно и есть их закон? Такое общество, будучи как таковое неразрушимым, не нуждалось бы в правительстве, чтобы то сохранило его посредством своего действия, и тогда не было бы и правительства, в котором не возникало бы необходимости.

Но человек как существо разумное гармоничен и экспансивен, а как существо свободное он лелеет в своем сердце начала индивидуализма и сосредоточения на себе самом. Именно свобода формирует «я» и личность человека. Интеллект, разум сосредоточены в нем; однако они не являются его сутью и не создают человека. Человек постигает, что дважды два равняется четырем, но эта истина, будучи постигнутой и освоенной человеком, все же от него совершенно не зависит. Разум не является ни твоим, ни моим: он не умрет ни с тобой, ни со мной; он не умрет с человеческим родом, потому что живет вечной жизнью в лоне Божием. Но свобода! Свобода, сеньоры, есть человек, потому что она рождается, живет и умирает с ним. Не ищите ее в мире природы: ее там нет. Не ищите ее в мире разума: и там ее нет. Не ищите ее на небе: там ее тоже нет. Но ищите ее в человеке, и она вам ответит.

4. На протяжении всей первой части своей лекции, посвященной обществу, Д. К. последовательно развивает тезис о примордиальном характере общества по отношению к человеку, встраиваясь тем самым в традицию осмысления социальности, идущую еще от Аристотеля. По всей видимости, из его же философии Д. К. заимствовал принцип причинности. Однако среди ближайших предшественников Д. К., оказавших влияние на его социальную философию, следует назвать, по всей видимости, Ж.-Ж. Руссо и Г. В. Ф. Гегеля. — *Прим. ред.*

Изучим ее. Она едина, неразделима и непередаваема. Невозможно представить, чтобы человек разделил, передал бы или размножил бы свое «я»: любая из этих операций уничтожила бы его. Отсюда следует, что абсолютный и индивидуальный характер свободы противится любой ассоциации и не может образовать гармоничную целостность, состоящую из соподчиненных между собой частей, но лишь целостность абсолютную, независимую и неразделимую. Закон любой ассоциации коренится во взаимозависимости. Зависимость же воли нелепа по существу и противоречива по форме.

Итак, сеньоры, если разум человека есть начало гармоничное и социальное, то свобода — антисоциальное и тревожащее. Один разум привлекает другой, но одна свобода исключает другую. Закон разума есть слияние и гармония: закон свободы — разногласие и борьба. Подобный дуализм человека — тайна природы и проблема для общества. Ложная философия, пытаясь прояснить эту тайну, отрицает этот дуализм; ложная цивилизация, чтобы разрешить эту проблему, также отрицает его. И лжефилософы и лжезаконодатели утверждают: «Человек — существо разумное, но не свободное. Общество есть объединение всех разумов: вне общества нет ничего; индивидов нет, а если и есть, то они должны затеряться в недрах ужасного единства». Таким образом, бесплодный пантеизм — порождение философов, а деспотизм — беспомощных законодателей.

По мнению других лжезаконодателей и лжефилософов: «Свобода — единственный закон человека, свободный человек — центр творения: он не рожден для общества, но общество сформировалось для него. Человек — это царь». И далее: «Если его воля является его правилом, нет правила вне его; если нет правила вне его, нет и Бога, или, если он есть, то это человек». И что мы будем делать с таким Богом без солнц, которые бы его отражали, с этим царем без подданных, которые служили бы ему? Чтобы водрузить эти две короны на голову человека, было необходимо прежде уничтожить миры, на обломках которых одиноко стоит его гигантская сатанинская фигура, словно бы ангела разрушения.

Вместо того чтобы изучать человека, эти законодатели и философы решили обожествить его. Человек не нуждается в обожествлении в силу того, что он существует, но он нуждается в изучении и объяснении, в силу того, что он недостаточно познан. Поэтому рассмотрим его не с позиций, предлагаемых нам философией, а во всей его реальности.

Выше я сказал, что, если разум человека сделал необходимым общество, свобода человека показала необходимость правительства; это легко выводится из того, о чем я только что сказал. В самом деле, человек, абсолютно свободный, разрушил бы общество, которое его разум сделал необходимым, потому что свобода по своей природе растворяет любое объединение. Следовательно, общество нуждается в оружии для защиты от разрушающего его начала, и это оружие — правительство. Правительство правит, лишь действуя, поскольку, как я говорил раньше, для него быть означает действовать; и оно действует, лишь сопротивляясь разрушающему началу; следовательно, для правительства действовать означает сопротивляться.

Если правление является действием и если это действие есть сопротивление, то правление также является сопротивлением. Тезис о том, что сопротивление является законом правления тем более верен, что история не знает правления, которое бы не сопротивлялось: одни сопротивляются большинству, другие — меньшинству; но все они сопротивляются, потому что таково их назначение.

Разумеется, это сопротивление вполне определенного характера. Раз его цель состоит в том, чтобы защитить общество от вторжений человеческой индивидуальности, его действие не должно простираться за рамки действий, необходимых для предотвращения таких вторжений. Когда правление переходит эти рамки, оно перестает сопротивляться и начинает вторгаться, а любое вторжение — как общества в индивидов, так и индивидов в общество — это преступление. Когда вторгаются индивиды и добиваются успеха, общество погружается в анархию: когда же вторгается правительство и добивается в этом успеха, устанавливается деспотизм; если же оно не добивается успеха в своем вторжении, оно сталкивается лоб в лоб с революцией, которая становится его могилой.

Таким образом, у правительства, т. е. у власти, есть одно правило, стоящее над ним, которому невозможно сопротивляться; это правило очерчивает правительству границу, которую не следует переступать. Но что это за правило, что за граница?

Мы уже отмечали, что человек в отношениях с другими людьми признает их равенство и что идея равенства порождает в нем идею взаимных и ограниченных прав; эта идея, в свою очередь, порождает, с необходимостью, правило, подчиняющее себе их ограниченность и взаимность. Этим правилом является справедливость, неподвижная звезда на горизонте народов; она одна может указать нам, где заканчивается легитимное сопротивление правительства и в какой точке оно начинает искажаться, переходя от состояния сопротивления к состоянию вторжения.

Чего же требует справедливость? Справедливость требует сохранения всего существующего и, следовательно, в одно и то же время сохранения общества и свободы человека. Ведь если общество имеет права, благодаря которым существует, то человеческая индивидуальность также имеет права по той же причине. Следовательно, общество будет иметь право поглотить ту часть индивидуальности, которая необходима для его существования, а человеческая индивидуальность будет иметь право удержать всю ту часть свободы, в которой не будет нуждаться общество. Правительство, уполномоченное вершить справедливость посредством своего действия, будет действовать легитимно всегда, когда сопротивляется разрушению общества, подвергаемого угрозе со стороны человеческой свободы, и нелегитимно, когда станет ограничивать естественное развитие свободы человека после того, как обеспечит существование общества.

Из этого следует, что социальная проблема, которую правительство уполномочено решить посредством своего действия, следующая: если закон общества — это субординация и гармония, а закон индивида — независимость и свобода, то как

следует уважать человеческую свободу, чтобы она не расшатывала бы основания общества? Или, что то же самое, как следует охранять общество, не калеча человека?

Если правительство обязано разрешить именно эту проблему, то по различным вариантам решения, предоставленным ему, мы и должны будем судить о правлении, поскольку его создают не его формы, но характер и направленность его действия.

Потому в следующих лекциях мы проанализируем различные принципы, на которых основывается правление, не забывая никогда судить их и это правление по их склонности замедлять или ускорять решение этой проблемы. Ближайшую же лекцию мы начнем с разбора суверенитета; мы рассмотрим этот феномен в его развитии. Короли требуют его для себя: мы будем изучать основания, предъявляемые этими королями; народы тоже требуют его себе: мы рассмотрим и их основания; философы систематизировали эти принципы, сведя их в теорию: мы рассмотрим теории философов; наконец, суверенитет описан в различных конституциях: мы рассмотрим также и их нормы.

Этот же метод послужит нам в процессе анализа социальных и политических вопросов, которые мы должны будем разрешить. Бесплезно рассматривать какой-либо институт или принцип только с одной точки зрения; истина тогда неизбежно будет неполной, и в стремлении сделать ее абсолютной, мы санкционируем неполной истиной ошибку. Это наблюдение еще в большей степени применимо к политическим институтам, которые, будучи одновременно теориями, основанными на разуме, и историческими реалиями, должны изучаться одновременно и в свете разума, и в свете истории. Лишь когда история подтверждает то, что провозглашает разум, человек может сказать, что он нашел истину. Поэтому я не буду говорить ни об одной разновидности правления, не говоря одновременно о его логическом начале и его реальных последствиях, так как верю в солидарность, позвольте мне это выражение, философии и истории.

Вплоть до нынешнего времени философы классифицировали правление по его формам; мы сделаем это, основываясь на различных способах разрешения социальной проблемы, и эта классификация будет более ясной и глубокой.

Эта проблема имеет не более трех возможных решений: или общество должно поглотить человека, или человек должен поглотить общество, или общество и человек должны сосуществовать в состоянии устойчивой гармонии. Эти три решения характерны для трех различных типов: правления, основывающегося на безоговорочном подчинении и вере; правления, принимающего в качестве основы полное развитие человеческой личности; и правления, стремящегося гармонизировать закон индивида и закон ассоциации посредством их плодотворного объединения. Все эти три вида правления были известны в мире. Первый вид господствует на Востоке, где человек растворяется в обществе, общество — в Боге, а фоном для этой мертвящей теории служит великолепная природа. Второе родилось в Греции, где разрывается ужасное единство Востока: человек становится

гражданином, гражданин восходит на трон и, сидя на троне, общается с олимпийскими богами. Здесь, в конце концов, родилась свобода, и первые гимны, пропетые в ее хвалу, звучали на этих берегах. Затем появился Рим: его жизнь была битвой между поглощающим началом азиатских обществ и индивидуализмом греческого общества; между трибунами и патрициями: между Сенатом и народом. Восток был кладбищем, Греция — праздником, Рим — полем битвы. На этом поле воздвигла свой трон не победа, но смерть. Меч Мария⁵ смог отомстить трибунам: меч Суллы⁶ — патрициям; но ни первый не смог дать жизнь народу, ни второй — усилить Сенат. Республика была трупом.

В эпоху Империи ни одно из начал⁷ не доминирует и не сражается с другим, поскольку там их просто нет. Рим был публичным домом на службе императоров, и как любое общество, которое, не имея элементов реорганизации, должно умереть, Рим умер. Кто поднялся на оставленный Капитолий, чтобы возродить мир? Раса⁸, пришедшая с Севера, и религия, спустившаяся с небес.

Так завершается история античной цивилизации и начинается история цивилизации современной. Она породила представительное правление, которое развилось в Европе. Оно отличается от правления в обществах древности, которое или калечило человека ради сохранения общества, или ослабляло общество из уважения к человеческой индивидуальности, или сталкивало в смертельной схватке эти два противоположных начала. Представительное правление стремится уважать человеческую индивидуальность, не ослабляя при этом социальные узы, и сохранять эти узы, не калеча человека. Таким образом, классификация правления по его формам бесплодна, а классификация по его способам решения социальных проблем — напротив, философская и плодотворная. В одно и то же время она объясняет нам внутреннюю организацию правления и придает великолепное единство истории. В остальном же особый предмет этого курса — объяснить экономику представительного правления: мы уже знаем его направленность, все то, что не служит ему для ее реализации, и все то, что препятствует ему, для него чуждо, ему не принадлежит. В следующей лекции мы увидим, могут ли те, кто провозглашает

5. Гай Марий (ок. 157–86 гг. до н. э.) — римский полководец, политик, семикратно избиравшийся консулом. Д. К. приписывает Марию ограничение власти народных трибунов (*tribuni plebis*) в Риме, однако ошибается в этом. Знаменитый Корнелиев закон о власти трибунов (*Lex Cornelia de tribunicia potestate*) был издан диктатором Рима Луцием Корнелием Суллой в 80 г. до н. э. — *Прим. ред.*

6. Луций Корнелий Сулла Феликс (138–78 гг. до н. э.) — римский политик, полководец, диктатор Рима в 82–79 гг. Д. К. апеллирует к знаменитым проскрипциям, введенным Суллой, в ходе которых погибло большое количество сенаторов. — *Прим. ред.*

7. Т. е. начало общественное и начало индивидуальное. — *Прим. ред.*

8. Д. К. имеет в виду германцев. На первую треть XIX века приходятся оживленные историографические дебаты о роли германского элемента в основании нового мира, возникшего на руинах Римской империи. В некоторых работах германцы даже представлялись как особая раса, призванная спасти Европу. См., например, классическую работу Я. Гримма «Немецкие правовые древности», вышедшую за несколько лет до прочтения Д. К. данной лекции (Grimm J. (1828). *Deutsche Rechtsaltertümer*. Göttingen: Dieterich), работы основоположников т. н. «исторической школы права» и т. д. — *Прим. ред.*

его в качестве центра притяжения для Европы, не будучи непоследовательными, провозгласить знаменитый принцип суверенитета.

Таким образом, сеньоры, социальное движение должно всегда сопровождаться аналогичным движением в идеях, которые имеют три великих органа их явления в мир: пресса, кафедра и трибуна.

(Продолжение в следующем номере.)

Lectures on Political Right, Delivered at the Ateneo of Madrid. Lecture 1 (November 22, 1836): On Society and Government

Juan Donoso Cortés

Yuri Vasilenko (translator)

Associate Professor, National Research University Higher School of Economics — Perm

Address: Studencheskaya Str., 37, Perm, Russian Federation 614070

E-mail: yuvasilenko@hse.ru

In the first "Lecture on Political Right," which was delivered in Ateneo of Madrid in November 22, 1836, Juan Donoso Cortés formulates "general theory of government" and "special mission of representative government." Defining government as "social action," Donoso inextricably binds "the idea of society" and "the idea of government." Considering society as a collection of individuals linked by certain relationships, Donoso formulates two opposite in its effect laws: "the law of the individual," which determines the independence and freedom of the person, and "the law of association," associated with subordination and aimed at achieving social harmony. Person's ability to associate with other people makes him intellectual and free. An intellect as the harmonious principle creates a society; a freedom as the anti-social principle breaks down the society; hence, the government arises by the need to resist the freedom. And the most important idea of the lecture: "For the government to act means to resist"; to resist "the invasion of the human personality," but, following ethics and "the rule of justice," in any case not to suppress it completely. Demonstrating the liberal-conservative character of his political ideas, views and values, Donoso encourages young Spanish constitutional monarchy, which just begins to create the foundations of representative democracy, to conserve society and human freedom, to provide their "fruitful unity."

Keywords: Juan Donoso Cortés, individual, association, intellect, freedom, representative government